

«А нашему-то брату еще лучше, пускай три, пять храмов будет!»: Никольские храмы Медногорска

Наталья Борисовна Граматчикова^[1]

✉ n.gramatchikova@gmail.com

ORCID: 0000-0002-2585-7399

^[1] Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия

Для цитирования статьи:

Граматчикова, Н. Б. (2024). «А нашему-то брату еще лучше, пускай три, пять храмов будет!»: Никольские храмы Медногорска. Фольклор и антропология города, VI(3), 8–29.

DOI: 10.22394/2658-3895-2024-6-3-8-29.

Статья написана на полевом материале, собранном в г. Медногорске (Оренбургская обл.) в декабре 2021 года, и посвящена изучению взаимодействий религиозного и историко-культурного ландшафтов города. Особенностью промышленного Медногорска, основанного в эпоху индустриализации, является его «церковная история» советского времени. Ее константа — жизнь прихода, протекавшая с 1943 года в молельном доме, переоборудованном позже в храм Святителя Николая Чудотворца. Десятилетия существования в городе так называемого «старого Никольского храма» привели к обогащению и усложнению религиозного ландшафта, включающего в себя скрытые публичные практики защиты веры и места молитвы. К последним относятся эпизод коллективной защиты храма от разрушения в 1961 году и книга Веры Поповой, ставшей признанным в городе «историком храма» из числа старейших прихожанок. Статья содержит сопоставительный анализ устной и письменной версий истории Никольского храма.

В 2007 году в Медногорске был освящен новый храм Николая Чудотворца. Анализируется распределение функций между двумя Никольскими храмами в малом городе. Делается вывод о взаимопроникновении историко-культурного и религиозного наследия города, возникшего как поселение при медно-серном комбинате, а также о том, что церковная составляющая истории Медногорска позволяет интерпретировать его советский период как альтернативную версию советской индустриализации в небольшом заводском городе.

Ключевые слова: религиозность, вернакулярность, наивное краеведение, история храма, альтернативная история, постсекулярность

“And it’s even better for us, let there be three, five churches!”: The St. Nicholas Churches of Mednogorsk

Natalia B. Gramatchikova^[1]

✉ n.gramatchikova@gmail.com

ORCID: 0000-0002-2585-7399

^[1] Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia

To cite this article:

Gramatchikova, N. (2024). “And it’s even better for us, let there be three, five churches!”: The St. Nicholas Churches of Mednogorsk. *Urban Folklore & Anthropology*, VI(3), 8–29.

DOI: 10.22394/2658-3895-2024-6-3-8-29. (In Russian).

The article is based on field material collected in Mednogorsk (Orenburg region) in December 2021. It is dedicated to the study of the interactions between the religious and cultural landscapes of the city. A distinctive feature of industrial Mednogorsk, founded during the era of industrialization, is its “church history” of the Soviet era. A constant element of this history was the life of the parish, which since 1943 took place in a prayer house later converted into the church of St. Nicholas the Wonderworker. The decades-long existence of the so-called “old St. Nicholas Church” in the city has led to the enrichment and complication of the religious landscape, which includes hidden public practices of faith protection and places of prayer. The latter include an episode of collective protection of the church from destruction in 1961 and the book by Vera Popova, who became recognized in the city as the “historian of the temple” from among the oldest parishioners. The article provides a comparative analysis of the oral and written versions of the history of St. Nicholas Church.

In 2007, the new Church of St. Nicholas the Wonderworker was consecrated in Mednogorsk. The authors analyze the distribution of functions between the two St. Nicholas churches in the small town in the post-Soviet period. The conclusion is drawn about the interpenetration of the historical, cultural and religious heritage of the city, which originated as a settlement near a copper-sulfur plant. Additionally, it is suggested that the church component of Mednogorsk’s history allows for the interpretation of its Soviet period as an alternative version of Soviet industrialization in a small factory town.

Keywords: religiosity, vernacularity, naive local history, local church history, alternative history, postsecularity

Краткий очерк истории Медногорска, исследовательский вопрос и материал

Медногорск — небольшой город в Оренбургской области, основанный в 1933 году как разъезд № 10 при комбинате для разработки Блявинского медно-колчеданного месторождения. Статус города он получил в 1939 году путем слияния разъезда Медного (№ 10) и поселков Ракитянка и Никитино. «Доиндустриальный» пласт окрестной истории составляют украинские поселения конца XIX века и «немецкий/австрийский» мост и туннель (1910–1915 годы), построенные силами военнопленных Первой мировой. За первые шесть лет Медногорск несколько раз сменил не только начальство, репрессированное и расстрелянное, но и название (разъезд им. Пятакова), которое разъезд Медный ненадолго получил в честь известного партийного деятеля Г. Л. Пятакова.

С одной стороны, Медногорск — типичное «дитя» индустриализации с большим количеством пришлого населения, включая тюркоязычное (по переписи 2010 года башкиры и татары составляли около 13% жителей), и заведомо плохой экологией (медногорские предприятия цветной металлургии расположены в естественной котловине, что серьезно затрудняет вентиляцию). С другой стороны, то, что Медногорск никогда не был «фасадом индустриализации», как Магнитка, Уралмаш, Кузнецкстрой, позволило здесь реализоваться иному сценарию индустриализации, альтернативному по отношению к разворачивавшемуся на стройках-гигантах и страницах посвященных им текстов («Время, вперед!» Валентина Катаева, «День второй» Ильи Эренбурга и др.)¹.

Расцветом Медногорска стал конец 1960-х годов, когда на двух крупнейших предприятиях города — Медно-серном комбинате (МСК) и заводе «Уралэлектромотор» (позднее «Уралэлектро») — работало совокупно около 15 тысяч человек. Тогда в городе функционировали три Дома культуры, кинотеатр, 10 библиотек, 13 школ, Дом пионеров, три профтехучилища, три стадиона, две больницы и три поликлиники. В 1971 году Блявинское месторождение было исчерпано, рудник закрыт, МСК перешел на привозное сырье; в 1990-е резко сократили рынки сбыта продукции завода «Уралэлектро», количество работников уменьшилось вдвое. В 2021 году население Медногорска составляло 23 693 человека.

Между тем, во многом благодаря активности городского сообщества, и прежде всего, работников библиотечной системы, Медногорск имеет внятный, структурированный образ города, в котором значимую часть занимают воспоминания жителей².

¹ Справедливости ради отметим, что в Медногорске тоже побывала группа писателей, но в силу обстоятельств эпоса о городе не сложила [Альтов 1974: 36–37].

² См. книги Л. М. Яниной к юбилеям двух крупнейших предприятий 2010 и 2011 года [Янина 2010; Янина 2011] и сборник на основе архивных документов и свидетельств старожилов,

Наша исследовательская группа работала в Медногорске в декабре 2021 года по проекту РНФ «Музеи малого города: множественность культур памяти» (№ 21-18-00418), нацеленному на изучение музеев во всем их многообразии (краеведческих, художественных, мемориальных, школьных и др.). Однако сразу стало ясно, что для объемной картины в малом городе следует обращать внимание не только на музейные институции, но и на их взаимодействие с ближайшими соратниками/конкурентами, прежде всего библиотеками и архивами. Нуждался в прояснении и вопрос о том, насколько содержательными в рамках проекта могут быть встречи со священниками и активными прихожанами храмов, представляющими иной тип коллективной памяти. Медногорск стал первым городом, в котором нами был получен ценный исследовательский материал: интервью с настоятелями двух Никольских храмов и В. М. Поповой, автором книги «Под омофором Святителя Николая. Страницы истории прихода святителя и чудотворца Николая поселка Заречный города Магнитогорска» (2013)³; фотоальбомы жизни прихода и наблюдения. В статье приводится анализ того, каким образом представлено формирование религиозного ландшафта в советское время в устной и письменной истории старейшего прихода города, а также каким образом распределяются меморативные религиозные практики между двумя Никольскими храмами в постсоветское время. При этом под меморативным ландшафтом мы понимаем ту часть историко-культурного ландшафта, которая непосредственно связана с работой памяти «на месте» [Веселкова, Прямикова 2022: 196–197] в ее материальном и нематериальном (вербальном и акциональном) осуществлении.

УСТНАЯ И ПИСЬМЕННАЯ ИСТОРИИ «СТАРОГО» ХРАМА

Важная составляющая культурного ландшафта Медногорска — два православных храма, посвященных святителю Николаю Мирликийскому: «старый» находится в п. Заречном (1943 год), вблизи заводов, «новый» построен при содействии нынешнего собственника МСК — Уральской горно-металлургической компании — на высоком открытом месте в мкр. Южном (2007 год).

Во время беседы в новом храме в ответ на вопрос, известны ли в городе какие-либо рассказы или легенды о святынях, нас без колебаний направили в «старый» храм, договорившись и о нашей встрече с «женщиной, которая этим занимается», как ее отрекомендовали. Так мы познакомились с Верой Михайловной Поповой, ее трудами и книгой по истории «старого» Никольского храма и получили возможность рассмотреть случай распределения ролей двух одноименных храмов в пространстве небольшого города и оценить вклад этого в создание актуального меморативного ландшафта. Книга В. М. Поповой посвя-

подготовленный библиотекарями, — «Город среди медных гор» (2014) [Ефимова, Никитина, Юсупова 2014].

³ Подробнее об истории Медногорского храма в изложении В. М. Поповой см. [Никандрова 2022].

щена одновременно и 70-летию Свято-Никольского прихода, и 75-летию города Медногорска, что свидетельствует о том, что в сознании автора эти два процесса неразрывно связаны.

История о том, каким образом в индустриальном городе в советское время появилась церковь, может быть интерпретирована как случай воплощения иной, но возможной, логики индустриализации, когда вчерашние крестьяне — трудовые мигранты — не (с)только «переформатировались» в «новых рабочих», но и, по выражению В. М. Поповой, «приносили с собой сильную веру»⁴. Практики религиозности вчерашних крестьян вкупе с незначительным участием представителей духовенства⁵ привели к тому, что к 1943 году в Медногорске сложилась община верующих, которая, несмотря на противодействие властей и неоднократные запреты служений в различных арендованных зданиях, смогла продолжить свою деятельность и добиться открытия храма⁶. С 1950 года службы проводятся в Никольском молитвенном доме, всего же за 67 лет существования Никольского храма в нем служили 24 настоятеля. В настоящее время храм находится в здании 1937 года постройки, которое сначала предоставлялось, а затем арендовалось и было выкуплено для богослужений у Е. В. Ледок.

Религиозная составляющая советского города значима сама по себе, но ценность ее в контексте нашего исследования еще более возрастает, поскольку старый Никольский храм имеет своего историка: В. М. Попова в течение нескольких десятилетий по собственной инициативе собирала устные рассказы и фотографии прихожан, священников, певчих и монахинь и создала в соавторстве с певчей храма В. А. Швецовой рукопись книги, представляющей «официальную», публичную версию истории храма. Кроме того, мы располагаем и расшифровкой беседы с Верой Михайловной, т. е. письменным и устным источниками по истории храма, а также некоторыми артефактами, хранящимися в храме.

Преобразуя услышанную устную историю прихода в письменный текст, значимость и значение которого она отчетливо сознавала уже в процессе создания, автор следовала нескольким принципам, главный из которых просматривается в композиции книги: история прихода (см. подзаголовок) понимается как хронологическое описание служения в храме его настоятелей (30 священников с 1946 по 2011 год).

⁴ Попова Вера Михайловна, 1957 г. р. Здесь и далее в части «Устная и письменная истории “старого” храма» без дополнительной подписи цитируются ее высказывания в устной беседе. Настоящее имя раскрыто авторами с согласия информанта.

⁵ Случай Медногорска интересен, в том числе, и отсутствием в этой истории харизматичного лидера из духовного сословия: наоборот, средняя продолжительность служения настоятелей в храме составляла не более трех лет, многие из священников были репрессированы [<https://bibka56.ru/moj-gorod/chasti-goroda/khramy/khram-goroda-mednogorska>]; при храме находились приют и монахини из закрытых монастырей соседних регионов. Таким образом, можно говорить о ведущей роли общины прихожан.

⁶ Подробнее о всех перипетиях аренды, изъятия и покупки домов для служения, начиная с 1934 года, см. [<https://bibka56.ru/moj-gorod/chasti-goroda/khramy/khram-goroda-mednogorska>] и в книге В. М. Поповой [Попова, Швецова 2013: 5–26].

Внутренняя парадоксальность заключается в том, что при такой «кадровой текучести» приход и само здание храма воспринимаются как нечто гораздо более долговечное, чем время служения конкретного духовного лица, однако на уровне композиции глав ведущая роль церковного иерарха подчеркивается автором⁷.

Книгу В. М. Поповой можно рассматривать и как своеобразный вариант наивного краеведения, менее распространенный, нежели истории заводов, написанные энтузиастами-заводчанами. Ее текст содержит некоторые черты так называемого наивного дискурса, под которым С. Ю. Неклюдов предлагает понимать «любое высказывание, устное или письменное, ориентирующееся на кодифицированный литературный язык, но не соответствующее конвенциональным нормам» [Неклюдов 2001: 13]. Содержательно в подобных текстах присутствуют «стили мышления и образы, не характерные для нормированной культуры» [Там же: 14]. В. М. Попова всю жизнь проработала на заводе и не получила профессионального исторического образования, однако ее самоидентификация в качестве «историка храма» тесно связана с установкой на создание текста, объективно передающего исторические события и подчиняющегося определенным правилам жанра. Именно этим, на наш взгляд, объясняется разительное отличие между живым материалом, послужившим основой для книги, и итоговым, довольно формализованным, вариантом текста.

Книга В. М. Поповой частично вписывается в область наивного церковного краеведения, изучение которого пока ведется фрагментарно, что отчасти объяснимо разнообразием и изолированностью первоисточников. С. Ю. Королева обращает внимание на особую сложность исследования явлений, «промежуточных» между собственно наивной литературой и особыми формами общественных практик [Королева 2014: 237], к каковым относится и сочинение В. М. Поповой.

Рассмотрим, с одной стороны, исследования наивного краеведения, с другой — работы священнослужителей по церковному краеведению. Собственно «наивные» авторы часто сталкиваются с непониманием своего творчества со стороны односельчан, тогда как представители сельской и городской интеллигенции чаще ощущают необходимость воплотить локальную память в кодифицированной (книжной) форме как моральный долг [Там же: 238]. На этом фоне В. М. Попова всячески подчеркивает личную инициативу своей собирательской деятельности, поддержкой которой она заручилась лишь на завершающем этапе. Исследователи трудов наивного краеведения констатируют, что сознание «наивных» авторов во многом сформировано традиционной культурой, несмотря на «научность» и систематичность подхода к предмету [Русинова 2006; Дынина 2022]. Критический обзор методологии работ любительского краеведения содержится в статье С. А. Гладких, определившего базовые составляющие таковой как триаду: «провинциализм, провиденциализм и негационизм», однако из

⁷ Подробнее об этом: [Никандрова, Граматчикова 2023а; Никандрова, Граматчикова 2023b].

этого комплекса только провиденциализм можно считать присущим труду В. М. Поповой [Гладких 2017: 17]. С другой стороны, изучением церковного краеведения занимаются представители церкви. Рецензии на такие сочинения (например: М. Воробьев «Вольские храмы и их строители» (2008), А. Гоглов «Владимирское лихолетье. Православная Церковь на Владимирщине в годы безбожной смуты» (2008), Д. А. Карпук «Путиловская церковь святителя Николая Чудотворца и мученицы царицы Александры: история, традиции, современность» (2020)), как правило, благосклонны⁸ и отмечают в качестве достоинств «личную тональность» повествования [Косик 2009: 163] и отсутствие «запретных тем», т. е. освещение спорных моментов, включая «конфликты внутри причта» [Петров 2021: 440].

Процесс создания и публикации книги проходил несколько этапов. Первоначально Попова записывала в тетради устные свидетельства прихожан, свои беседы с певчими, старостами, священниками, а также, вероятно, собственные впечатления от значимых для жизни прихода событий (Вера Михайловна родилась в семье верующих родителей и посещала Никольский храм с детства). Из интервью ясно, что медногорцы делились с ней и свидетельствами чудес либо случаев с двойным толкованием. Однако в основной текст книги такие случаи, за редкими исключениями [см. Попова, Швецова 2013: 15], не вошли, поскольку материал подвергся тщательной вычитке и (само)цензуре. Точность собранных фактов Вера Михайловна проверяла, посещая архивы, музеи, библиотеки, поскольку считала ответственность за достоверность данных важнейшей для себя. Так, в тексте Поповой отражается соединение «наивного» дискурса с профессиональным, отражающим нормы «большой» культуры. Перепроверка данных свидетельствует о разном статусе проверяемой фактической информации и устных сведений, что нечасто встречается в «наивных» текстах.

При этом текст книги Поповой прежде всего ориентирован на бытование в (около)церковной среде — и следование принятому в этой среде дискурсу и правилам иерархии для автора не менее важно, нежели «объективность» и достоверность изложенного. Будучи инициатором всего процесса запечатления истории храма от идеи до воплощения («Ходила я в этот момент, когда занималась этой историей, не то что вот просто я сижу там и сочиняю — нет. Я все записывала, а потом уже я такая у меня мысль пришла...»), Вера Михайловна последовательно спрашивала благословения на каждый этап своих трудов, заручаясь согласием и поддержкой священнослужителей:

И получается так, что он [о. Леонид] там оказался в кабинете у правящего этого... митрополита, и он тогда сказал: *[вздыхает]* «Отец... Леонид (в то время еще), вы, — грит, — знаете что-нибудь?» Он грит: «Да, я там служил в командировке в этом храме, я знаю эту историю, примерно там... был». Он грит: «Возьмите, пожалуйста, там у них эти все бумаги, отредактируйте, помогите им... с этой стороны, и тогда уже пусть они сами там уже

⁸ <https://bogoslav.ru/article/418732>

как-то подыщут, ну спонсоров или что-то, ну, чтоб история эта никуда не делась, помогите». <...> Ну, когда все проверили, показывали еще там другим людям, что не просто так, сами...⁹

Такая установка налагала на текст и его создателя дополнительные требования, абсолютно естественные для автора — носителя религиозного сознания. Компьютерный вариант текста, хранящийся в Медногорской городской библиотеке, имеет помету «По благословению настоятеля о. Алексия (Обухова)». Однако, пересказывая свой разговор с настоятелем храма, В. М. Попова сама выступает как проводник по миру внутрицерковной дипломатии: «Я лично думаю, что как я уже знаю по истории, по всему, что надо обратиться к правящему архиерею... Поехать, отвезти ему вот эти фотографии, вот эти записи, все показать и тогда только действовать. А так вот, ну просто, как мы с вами? Где мы что возьмем? Как мы напечатаем?».

Устный и письменный текст о храме подчинены разной прагматике и эстетике. Строгая кодификация письменной истории храма контрастирует с живостью и эмоциональностью устного рассказа прихожанки, глубоко погруженной в прошлое и настоящее прихода и желающей достойно представить храм приезшему исследователю.

В разговорах с медногорцами выявляются несколько важных топов, связанных с храмом: так, например, магазин на ул. Ключевой, открытый в здании, отобранном в 1949 году у верующих, получил прозвание «церковный».

Первые иконы храма были принесены верующими, приехавшими на строительство медно-серного комбината еще в 1930-е годы [Попова, Швецова 2013: 15]. Затем Никольский молеальный дом служил местом спасения икон и святынь из разрушенных храмов округи: «И все те иконы и святыни, которые были вокруг, у нас вот в Саре в поселке был храм Петра и Павла, в Кувандыке был храм, в... Карагай-Покровке был храм, всё это, то, что сохранялось, смогли сохранить прихожане — это все свозилось в Медногорск, вот в этот храм... старый...». Сейчас внутри общины бытует представление о «храме-мощевике»¹⁰, в свое время интериоризированное из внешнего взгляда и подтверждаемое артефактами (иконой св. Александра Невского со следами выстрелов в области лица, находящейся в храме). Из рассказа В. М. Поповой о визите игумены:

«Ой! К вам, — грит, — мощи привезли Варвары нашей Скворчихинской? А зачем вам мощи?» — она вот так вот говорит. — «У вас храм — мощевик! Ой-ой-ой, я, — говорит, — архитектор по образованию, я, — говорит, — новодел... новодел (ну, ездит много). А у вас — мощевик-храм...». А на самом деле, если вот с разрушенных церквей, вот ... этот... Александр Невский-то, благоверный князь, — прострелянный!

⁹ В транскрипте сохранены некоторые особенности устной речи собеседников.

¹⁰ Мощевик — в православии общее название футляров для хранения различных святынь [https://azbyka.ru/moshhevik].

При храме находили приют и люди: например, в годы репрессий при храме обретались монахини из Бузулукского монастыря.

Высокий символический статус церкви подкрепляется бытующим среди прихожан преданием о страннике, предрекшем, что Никольский храм будет стоять до Второго пришествия. В. М. Попова пересказывает рассказ старшей прихожанки:

«Мы месили глину там все, что-то работали... И вот, — grit, — идет странник. Подходит к нашему, — grit, — храму и молится, молится... седой такой старец. Мы его, — grit, — подошли, расспрашиваем». Грит: «Я? Путешествую по святым местам. И вот пришел к вам». И потом, когда, помолвившись, он говорит: «Ваш храм, — grit, — будет стоять до Второго пришествия». Лично она мне вот эта Екатерина... Иванна сказала. И мы теперь [усмехается] уже вот ... из поколения в поколение передается, и все такие надежды, что да — так оно должно и быть.

Исследователи отмечают, что «в эсхатологии странников воплотились системообразующие черты христианского мифо-исторического предания как текста, совмещающего в себе два аспекта — диахронический (рассказ о прошлом) и синхронический (средство объяснения настоящего, иногда будущего)» [Дутчак 2007: 130]. Предание о страннике позволяет рассмотреть образ старого храма как топоса, совмещающего в себе проекции в прошлое и будущее одновременно: он является напоминанием о самоотверженности верующих, сумевших сохранить свою веру в атеистическом государстве, и надежду на нерушимость этих устоев.

Таким образом, мы наблюдаем процесс формирования и обогащения религиозного ландшафта, который достигался путем изменения взаимоотношений «между обществом и религиозными общинами в определенном географическом пространстве в контексте этнических, социально-экономических, культурных и политических процессов» [Дашковский 2014: 10]. Взгляд на память и религиозность определенной территории через понятия «меморативного» и «религиозного» ландшафтов позволяет учесть связь памяти и места, а также совокупность объективных и субъективных факторов поведения социума [Манькова, Нечаева 2020: 91].

Храм в сознании местных жителей стал не просто «зданием, посвященным Богу и предназначенным для богослужений», но и буквально местом спасения, притягивающим святыни, спасающим их от поругания и уничтожения. Само пространство храма и его наполнение стали материальными медиаторами, которые обеспечивают сближение верующих с миром трансцендентного. Это взаимопротекание внешних и внутренних качеств тел, проявляющих себя вовне, фиксировал антрополог Филипп Дескола [Дескола 2012: 157–158]. Взаимодействие вещей/артефактов/предметов веры и действий людей длится и в следующих поколениях:

Вот эта икона, «Утоли моя печали», Божьей Матери, она вот в тот момент, с шестьдесят первого года здесь находится. Вот щас... летом приезжают

внуки вот этой бабушки... гряд: «Наша бабушка вот эту икону спасла». Она-то молодая еще тогда была, девочкой была, когда бабушка ихняя спасала, ей восемь лет было. Ну, это молодые приезжают люди, конечно... молиться... перед этой иконой. Она грит: «Эт наша икона». Я грю: «Конечно, конечно...» Мы не спорим [*усмехается*]. А теперь будет в нашем храме вот так находиться... И потому что, грит, она была вот девочка, мать ей говорит: «Иди сюда!» Она подошла. Грит: «Вот щас бери икону, — грит, — вот сюда, на себя клади, и ползи по огородам, по огородам...» И она так с этой иконой на плечах, эта восьмилетняя девочка... сохранила... вот... для нас такую икону.

В соседнем прихрамовом здании находится Музей прихода Святителя Николая Чудотворца г. Медногорска: комната с несколькими витринами, где выставлены ноты песнопений и церковные книги, а на стенах — около сотни икон и распятий, в том числе образцы «народных/наивных» икон. Происхождение музея выяснить не удалось, из кратких и неохотных пояснений священника можно составить представление, что целеполагание и содержание этой коллекции ему не вполне понятно и, возможно, тяготит. Нам важно зафиксировать, что наряду с иконами, включенными в коллективную память прихода и поддерживающими семейную память, по соседству есть локус с иным статусом и функциями: название его подчеркнуто светское, но практики использования иные. Иконы там, очевидно, «доживают свой век», они не атрибутированы, но и не находятся в небрежении, как это происходит в нескольких кварталах поблизости с экспонатами заводских музеев, чьи экспозиции не обновлялись последние 30 и более лет.

В рассказах медногорцев о «старом храме» можно выделить мотив «храма как укрытия», который поддерживается и географическим расположением здания: оно одновременно находится на возвышении и укрыто от чужих глаз вершиной сопки, тем самым воплощая тайный, сакральный центр Медногорска: «Это место — оно как в горах, это как сокрыто, чтобы тогда не разрешили где-то в таком... тогда строились уже и дома там, и баня там, и еще какие-то уже... школы — стройка шла. Но сюда? Чтоб скрыто от глаз людских. И вот так вот до сих пор у нас».

Так же скрыто, но отчетливо проходят неписанные границы неформальных практик сосуществования церковных праздников и заводского расписания:

[*Попова об одной из прихожанок храма*] Она... работала... на заводе... работала. Но когда были праздники, она... на работу не ходила. И она прям говорит: «Прихожу... сижу работаю, в третьем цехе сборщики... Проходит, грит, — мастер... Проходит там еще кто, грит: “Праздник?” — “Да”». И все. И вот теперь... [А, то есть она приходила и не работала, да?] Нет, когда праздники... [Когда праздники церковные, да?] Вот Пасха, Рождество — она могла и не ходить, а потом приходит, и они гряд: «Хоть бы слово сказал кто!»

Таким образом, вернакулярные практики заводского Медногорска 1950–1970-х годов подразумевали ежедневные компромиссы между ру-

ководством комбината разных уровней и работниками. Все это позволяет интерпретировать формирование медногорского религиозного ландшафта в терминологии «вернакулярной» или «живой» религии. Термин, предложенный Леонардом Приммиано в 1995 году [Primiano 1995: 44–46] как уход от бинарности, за прошедшие 20 лет не только показал свою продуктивность, но и обогатился многочисленными синонимами [Лютеева 2023], у истоков которых — не только осознание неправомерности противопоставления «практик» несуществующему единству «официального», но и растущее внимание исследователей к языку самоописания респондентов.

Основной механизм, позволяющий осуществлять «взаимообмен» между прихожанами и их молебным домом, можно описать как реципрокность — статусно-ролевую модель, где каждый берет и отдает в зависимости от своей социальной функции: вера спасает людей, а люди — храм [Stegbauer 2002: 174]. История Никольского храма демонстрирует несколько успешных примеров объединения сил верующих. Так, вкладчину был выкуплен молитвенный дом:

Кто что приносил: кто ковер какой-то принесет, кто там принесет... вещи какие-то... вот... Все это... здесь продавалось, даже кто вот привезет ягненка, теленка — привяжут и уходят, тайная милостыня была. И от потом эти пожертвования собирались — и купили домик, на этом месте был маленький, небольшой домик, были здесь украинцы, жили... семья Ледок.

Кульминацией истории храма в ее устном изложении становится эпизод несостоявшегося разрушения во времена хрущевских гонений на веру. В начале рассказа угадываются библейские параллели с историей Никодима, тайно помогающего «своим»:

в горисполкоме заведующий был. И у него мать верующая была, наша прихожанка. И он когда пришел, говорит: «Мама, храм будут закрывать!» Она там начала плакать: «Когда?» Он grit: «Вот в такой-то день». И она — по городу, всех оповещать...

Сама сцена коллективного заступничества за храм воссоздает фольклорное пространство публичных причитаний буквально в смысле древнегреческого коммоса:

Набралось народу от... полный вот этот вокруг все народ был. Варили кушать, все носили, горячим кормили, туда-обратно несли и опять это все — тока чтоб люди здесь... сидели, не отходили... и ночевали, тока чтоб... одни отойдут — другие приходят заменять, чтоб уже живое кольцо. Ну и когда они подъехали, в сентябре вот... пятого сентября шейсят первого года, ломать уже... ну, тут увидели, раз уже предупрежденные были, ну, конечно, тут подняли такой вой, что... убежит любой там этот ломальщик... Вот это особенно [*усмехается*] запомнилось: Марфа Алесанна, она жила с нами... рассказывала, grit: «Ой!» А у нее голос был — дискант, такой тонкий, так это редкий такой был голос... Вот ее батюшка-то говорит: «Иди пой». Она grit: «Что вы, батюшка! Я не могу, у меня дети». — «Какие у тебя дети? Я знаю твоих детей: одной, — grit, — двадцать, другой тридцать». [*Смеется*]. Grit: «Какие дети?». А она от такая домашняя была, домашняя все... И вот когда вот в деревню, она как рассказывала, grit:

«Меня звали вот, когда умрет покойник, чтоб поголосить». *И вот такой голос был.* ... И она говорит: «Я кааак заголосу...» Ну, она же... все навыки-то остались. Ей пейсят лет уже было, когда ломать-то... «Я, — кричит, — как начала там...» Они ее схватили, гряд: «Ты че?» А ей пейсят лет было. Они гряд: «Ты че ревешь-то все?» Она: «Не дам храм сломать! Не дам — уходи-те!» И еще громче. Тут народ, шум, гам, все такое... И кричит: «Они тише-тише — отошли».

Сходство с древнегреческой трагедией состоит не только в динамике «хор» и «корифей»-предводитель, но и в невозможности отменить фатум. Перст судьбы возможно лишь перенаправить, заменив одну жертву другой: так, рабочие, посланные ломать храм, не осмеливаются ни проехать к нему на строительной технике через взволнованную толпу, ни вернуться к начальству, не выполнив приказ. В результате, отступившись от Никольского храма, они той же ночью уехали в соседний городок, где никто не ждал беды:

А когда они приехали в Кувандык, это недалеко, вот у нас двадцать пять километров от нас, приезжают, там — никого. И они там ломают храм это все, эти рабочие от наши, которые прям... даже и обидно вспоминать, что это от нас от это все... *[Вздыхает]*. И они там сломали... это бульдозером... засыпали колодец во дворе, чтоб следов вообще не было, чтоб пришли — и ничего нет. Все.

В этом случае наша информантка воспроизводит сюжеты коллективной памяти общины, по возрасту она не могла принимать участие в описанных событиях. В последнем фрагменте мы можем зафиксировать ее двойственную идентичность: для Веры Михайловны «свои» — не только защитники храма, но и разрушители-заводчане, что порождает конфликт постпамяти («прям даже и обидно вспоминать»). Эти «войны памяти» смягчены тем, что именно медногорский комбинат выступил спонсором постройки нового Никольского храма, таким образом реабилитировавшись в глазах верующих.

Новый храм был заложен в начале 2000-х годов. Совпадение названий порождает вопросы и создает ситуацию двойничества. О причинах совпадения В. М. Попова высказывает лишь предположения. Логика преемственности, очевидно закладываемая в проект (новый храм сменит и заменит старый), не состоялась, лишь подкрепляя авторитет старого храма: «Может быть, какие-то мысли были, что, может, тот... долго не простоит... Тут непонятно пока. Ну, значит так Богу угодно, что там такой храм тоже, пускай одноименный». Для рассказчицы история постройки нового храма — проявление Божьего изобилия там, где они искали средств на ремонт собственного:

После того как ездили мы просить ремонт или вдруг, пожалуйста, стройка — а нашему-то брату еще лучше, пускай три, пять храмов будет! Нам-то что? *[Усмехается]* Нам наоборот — радость! Мы уже тут говорим: «Надо, надо, пусть строят, строят» ... Ну, естественно, что этот храм-то никто бы и не собирался его там закрывать все...

Таким образом, строительство нового храма в глазах верующих подтверждает идею вечности храма Святителя Николая Чудотворца — он как бы не подвластен времени, существуя в качестве проводника между прошлым и будущим. Проводник и земной источник этой стойкости старого храма — община и ее молитвенная жизнь:

стены-то они... старенькие там, конечно, никто не знает, какие... Лес — какой он? Может быть, уже скока лет... Ну, приходили специалисты, посмотрели, говорят: «Да, уже... не особенно. Надо немножечко его...» Не за железочки держаться, все-таки тут же люди, у нас приход-то молится... не просто так...

Эти уровни сознания, равно как и их «производные» — устная история и текст книги — не конфликтуют, поскольку прагматически ориентированы на разные аудитории и задачи. Автор книги вполне это сознает: в истории должно описать «все по порядку», в беседе — рассказать, «как было дело». Эмоциональность и основные мотивы устной истории мы представили выше. Опубликованная книга успешно выполняет представительскую функцию, повышая статусы прихода и автора в церковной и околоцерковной среде. По мнению церковных иерархов, Вере Михайловне Поповой вполне удалось создать своеобразный эталон отражения истории прихода «снизу». После того, как с рукописью ознакомился владыка, настоятель прихода, о. Алексей (Обухов) передал автору впечатления начальства:

А когда я пришла, он улыбается и говорит: «Вам медаль надо дать». — «Это за что?» — «За то, что вы вот столько лет занимались такой работой, — крик, — даже все удивились, и владыка очень удивлен был, — крик, — и теперь он даже сказал, что в других храмах тоже надо дать такой совет, чтобы тоже занялись немедленно историей и, ну, создали что-то наподобие».

«Новый» Никольский храм: «Говорить с молодежью на понятном для них языке»

«Новый» Никольский храм, его община и причт создают иное пространство — пространство социальной активности, начиная с соцсетей (на его странице в «ВКонтакте» новые посты появляются не реже 2–3 раз в неделю, частота публикаций на странице старого храма — раз в 1–2 месяца). Настоятель храма о. М. (он же председатель Общественного совета) видит церковь «частью общества» и активно вовлечен в городские проекты, в том числе связанные с формированием меморативного ландшафта.

Новый храм и его прихожане в первую очередь способствуют проявленности меморативного ландшафта города. История городов советского времени основания не так уж длинна, и потому в моменты кризиса промышленности ресурсы для «пересборки» идентичности для жителей крайне ограничены. Для настоятеля нового храма «точ-

кой отсчета» становится предыдущее место его служения — соседний г. Гай (1959), более молодой сосед-близнец Медногорска. Оказывается, что дополнительные три десятилетия Медногорска становятся значимым вкладом в столетнюю историю города, его культурный слой о. М. характеризует как «более-менее обогащенный»: «Все-таки есть такие архитектурные формы» (ДК Metallургов, кинотеатр, городская баня) и важный слой подлинной исторической памяти («здесь есть история, связанная с Великой Отечественной войной, потому что здесь был тыл, здесь был эвакуирован завод Тульский оружейный... здесь были госпитали, в которых... и лечились, и умирали»¹¹).

Практики работы с городским культурно-историческим наследием со стороны духовенства нового храма постепенно расширялись, начавшись с совместной молитвы на старом кладбище 15 февраля, в день вывода войск из Афганистана. Устоявшаяся очередность мероприятий этого дня (от практик личной памяти и общения к официальной части: панихиде на кладбище, чаепитию в трапезной храма с родителями погибших, митингу) видится священнику правильной. Сотрудничество церкви, «Боевого братства», местных отделений «Чернобыль» и ветеранов боевых действий в Афганистане, включенность городского сообщества позволили обновить и благоустроить памятное место на въезде в город — «Колокол памяти» (2017) — где объединены светская художественная и религиозная символика памяти (часовня построена воинами-афганцами в 2002 году)¹². В 2019 году, в основном силами местного сообщества, было завершено строительство часовни «Страстная» на Блявтамакском кладбище, приостановленное 15 лет назад¹³. Таким образом, священники нового Никольского храма в гораздо большей степени включены в сотрудничество с городскими организациями и активно участвуют в актуализации меморативного ландшафта, продолжая сращивать религиозную и историко-культурную составляющие городской памяти.

Безусловной уникальностью обладает автопробег «От обелиска к обелиску», в последние годы проходящий в Медногорске накануне Дня Победы, 8 мая. Маршрут начинается от обелиска воинам, скончавшимся от ран в эвакогоспиталях, затем идет к памятнику у проходной завода, потом к вечному огню и мемориалу в городском парке и завершается торжественным прибытием на городскую площадь¹⁴, таким

¹¹ Здесь и далее в цитатах «Новый» Никольский храм: «Говорить с молодежью на понятном для них языке»» «От чистого истока — в прекрасное далеко»: история Медногорских храмов на городских сетевых ресурсах» без дополнительной подписи цитируется интервью с о. М. На момент беседы ему 33 года.

¹² Подробнее об этом на сайте библиотеки с указанием источников в периодической печати: [https://bibka56.ru/pamyatniki-i-memorialy/kolokol-pamyati].

¹³ Подробнее об этом: [https://bibka56.ru/moj-gorod/chasti-goroda/khramy/pravoslavnyaya-chasovnya].

¹⁴ Каждый пункт маршрута предполагает собственный сценарий: у обелисков умершим от ран (неподалеку похоронены и военнопленные двух мировых войн) проходит «маленький митинг» и заупокойная лития; у проходной завода «детишки рассказывают стихотворения, связанные с Великой Отечественной войной», и выступают местные коллективы; у Вечного огня в парке

образом, сюжетно и драматургически соединяя городские «места памяти» Великой Отечественной войны. Организаторами мероприятия изначально выступил автоклуб внедорожников «Колея» и городская библиотека. Интересно, что количество участников (среди них представители «Боевого братства»: «афганцы», «чеченцы», «представители предприятий» и городской администрации и «жители города») ограничено. По словам информанта, это связано с «техническими моментами»: вместимостью дорожной сети и дефицитом парковочных мест¹⁵. В опыте нашей полевой работы подобные инициативы в других малых городах чаще связаны с активностью музейного сообщества, но в Медногорске, где краеведческий музей занимает одну комнату в ДК Metallurgov и состоит из одного сотрудника без профессионального образования, такие инициативы распределены между библиотекарями, членами ветеранских организаций и церковными приходами.

Основная установка настоятеля нового храма, судя по интервью, — это желание быть медиатором: стараться заинтересовать молодежь¹⁶, понимая, что «они другие», и вносить вклад в реформирование историко-культурного наследия города, формируя меморативный ландшафт. По его словам, городу не хватает памятника или «хотя бы памятной таблички» репрессированным создателям медно-серного комбината, первостроителям города¹⁷. Кроме того, должно закончиться время существования памятника Ленину, не имевшему отношения к Медногорску. Однако, по мнению священника, действовать нужно осторожно, выжидая (такое время «наступит, просто нужно подождать немножечко»), поскольку

большинство за то, чтобы не вносить раскол, не вносить обиду тем... пожилым людям, которые... ну для них это их прошлое, их жизнь, поэтому для них это важно. Они росли с этим, воспитывались с этим. И поэтому просто не... не хочется их травмировать.

Ностальгию по советскому священник определяет как понятную, но весьма печальную тенденцию. Выжидательная же позиция поможет «дождаться инициативного, настойчивого человека», «который бы... активно загорелся б этим и начал бы продвигать эту тему», но и без такого человека «это все равно рано или поздно произойдет».

участники, включая священника, поют военные песни — «серьезные песни», которые «будят чувства... такие высокие, серьезные» («Журавли», «Поклонимся великим тем годам»); на городскую площадь въезжают «с флагами, с музыкой, все это в такой торжественной форме».

¹⁵ Медногорск расположен в очень изрезанном ландшафте, дороги действительно довольно узкие, а площади перед проходными заводов небольшие.

¹⁶ Для разговоров с молодежью о. М. обращается, в том числе, к значимым фигурам прошлого, но поданным в «человеческом масштабе»: например, на встрече со студентами колледжа священник вел беседу о Достоевском как о человеке, у которого убили отца при неясных обстоятельствах, который попал в компанию революционеров, ошибался, знал успех, падения и страсти, что, по словам настоятеля, вызывало живой отклик у аудитории.

¹⁷ Речь идет прежде всего о начальнике строительства Б. Ю. Кудинше (1894–1937) [<https://bibka56.ru/honor/19.html>] и главном инженере П. П. Евангулове (1891–1937) [<https://bibka56.ru/honor/18.html>]. Описание плотного контекста того, что присутствует в публичном поле и что еще/снова «сокрыто», может составить предмет отдельной статьи.

Такая установка по-новому освещает и роль В. М. Поповой и ее инициативы.

Таким образом, мы наблюдаем различные тактики по отношению к тем страницам прошлого, где достигнуто общественное согласие (войны, «локальные конфликты») — здесь церковь активно включается в общегородское движение, — и по отношению к «неудобному прошлому»¹⁸, — здесь духовные лица находятся в ожидании «низовой активности», сопоставимой, видимо, с активностью прихожан «старого» храма. При этом настоятель нового храма склонен с равным вниманием относиться и к религиозному, и к «советскому/светскому» наследию города.

Между тем уникальность «церковной истории» Медногорска для лиц духовного сословия очевидна: им хорошо известно, что в советское время в этом «казацьем крае» — Чкаловской (Оренбургской) области — были закрыты абсолютно все церкви¹⁹, а в 1944 году открылись два крохотных храма, переделанных из жилых деревянных домов: Покровский в Орске и Никольский в Медногорске. И то, что «даже в советское время все равно здесь какая-то церковная жизнь была», изменило облик места и отношение к нему горожан.

«ОТ ЧИСТОГО ИСТОКА — В ПРЕКРАСНОЕ ДАЛЕКО»: ИСТОРИЯ МЕДНОГОРСКИХ ХРАМОВ НА ГОРОДСКИХ СЕТЕВЫХ РЕСУРСАХ

Каким образом позиционируется история храмов для общегородского сообщества? В разделе «История города» на сайте библиотеки есть страница с названием «Храм города Медногорска»²⁰. Единственное число в заглавии страницы, рассказывающей о двух храмах, вновь актуализирует мотив двойничества: поскольку храм — «общий дом Бога и верующих в него», то любой храм — это, по сути, все тот же храм, и история храма Медногорска раскрывается последовательно через строительство одного и затем другого храмов. Приведены ссылки на 15 статей местных газет, что свидетельствует о высоком устойчивом интересе местных жителей к строительству. Новый храм возникает в городе не как «возрождение» прошлого, а в принципиально новой социокультурной ситуации, о которой мы можем судить на основании общегородского медийного библиотечного ресурса.

¹⁸ Информационное обеспечение этой части городской памяти достаточно полно представлено на электронных ресурсах городской библиотеки (базы «Наши герои», «Книги памяти», «Репрессированные», «Участники боевых действий» и другие вкладки на сайте библиотеки [<https://bibka56.ru/>]), а также в тексте [Альтов 1998].

¹⁹ «Согласно отчету Уполномоченного по делам Русской Православной Церкви Чкаловской области, в начале 1944 года в области не осталось ни одной действующей церкви» [<https://open-eparh.ru/eparhiya-segodnya/istoriya-eparhi/>].

²⁰ <https://bibka56.ru/moj-gorod/znakomstvo-s-gorodom/khramy/khram-goroda-mednogorska>

Материалы по истории храма разделены на 4 части, две из которых озаглавлены строками популярных песен конца советской эпохи: «Мы помним, как все начиналось...» («За тех, кто в море», 1981), «От чистого истока — в прекрасное далеко» («Прекрасное далеко», 1985). Таким образом, веб-страница библиотечной сети Медногорска служит иллюстрацией ситуации постсекулярной эпохи, где религиозное и светское, церковное, вне- и нецерковное уравниваются и включены в общее течение жизни:

Мир не делится на «религиозное» и «нерелигиозное» — эти сферы совместились, происходит их взаимопроникновение вплоть до неразличимости. Теперь нет ни секулярного, ни религиозного в собственном смысле, всё может быть сакральным и всё — профанным. Постмодерн сохраняет и усиливает ситуацию абсолютной свободы и плюрализма. Но он дискриминирует религию тем, что позволяет ей быть вместе и наряду со всем остальным. Он совершенно спокойно принимает религиозный опыт, религиозные смыслы, религиозные символы, не отдавая им никакого ценностного предпочтения по сравнению с другими опытами, смыслами или символами [Кырлежев 2004: 258].

Религиозное и нерелигиозное в интернет-очерке церковной истории погружены в иной, историософский по своей природе, миф. В более поздней работе А. И. Кырлежев уточнял: «...В постсекулярности религия возвращает мифу его право на мироописание, поскольку уже нет возможности рационально выявлять и универсально утверждать мир как некое объективное положение вещей» [Кырлежев 2011: 105]. Постсекулярное утверждает независимость и равноправие сфер, но оно же снижает утешительность коллективного, поддерживая лишь индивидуальный выбор. Стремление же к теплоте и чувству единства ведет к тому, что и «советское» и ностальгия по нему становятся важными элементами новой мифологии.

На библиотечном сайте подробно, но эллиптически описаны этапы строительства нового храма: первоначальный проект (деревянный храм высотой в 15 метров) в 2004 году изменился, и нынешний храм 30-метровой высоты сложен из кирпича. В знакомой нам логике «ожидания нужного момента» строительство начинается, когда где-то в высших сферах «складываются звезды»: «Шло время... информация о том, что строительство новой церкви в Медногорске наконец-то станет реальностью»²¹. Затянувшееся ожидание и непроясненная субъектность создают эллиптические конструкции и лишают устойчивости времена глаголов, которые перескакивают с прошлого на настоящее и будущее. Возрастание храма развивается параллельно с крестными ходами: первый из них проходит в Медногорске в начале 2003 года, тогда же начато возведение храма. Каждый из пяти крестных ходов становится знаком следующего этапа строительства. Так рассказ о возведении нового храма вписывается в старые представления о чудодейственной силе молитвенной активности прихожан. В остальном

²¹ Там же.

строительство храма в нарративах городской библиотеки ничем не отличается от описания коллективного и личного вклада горожан в строительство других объектов. Здесь также важен не только вклад спонсоров, но и широкое участие горожан самых разных профессий: безопасность крестных ходов обеспечивают инспектора ГАИ, главврач М. И. Козлов выделяет на это время «неотложку», каждое воскресенье на занятиях в воскресной школе «мука и сахар не переводятся благодаря щедрости директора хлебокомбината» и др.

Итак, история старого храма как бы перетекает в историю нового. Практики крестных ходов в день перенесения мощей святителя Николая, наконец, приводят к встрече прихожан одноименных храмов:

из двух храмов мы выходим с большими иконами святителя Николая, мы выходим навстречу друг другу, встречаемся вот на путепроводе, на мосту, вот... там в один крестный ход объединяемся и идем уже на центральную площадь городскую вот таким крестным ходом, и там уже, на центральной площади, служим краткий благодарственный молебен святителю Николаю в этот праздник...

Так возможное двойничество устраняется, паствы объединяются, складывается традиция «красивая, торжественная и... как-то объединяющая людей, то есть нет какой-то конкуренции между храмами, в одном целом таком...».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

История сосуществования «старого» и «нового» Никольских храмов Медногорска позволяет сделать несколько наблюдений и выводов.

Во-первых, мы получили возможность проанализировать, каким образом в советское время формируется и обогащается религиозный ландшафт в городе 1930-х годов основания, что само по себе видится вкладом в решение задачи реконструкции уральского религиозного ландшафта [Главацкая 2008]. Церковная жизнь, скрыто, но неуклонно идущая в послевоенные годы среди работников промышленных предприятий, обогащала культурную среду малого города и формировала, как видится, опыт успешных горизонтальных связей и коллабораций.

Во-вторых, одноименность храмов заостряет ситуацию сходства и различия их историй и ролей в нынешних городских практиках. Для светского/невоцерковленного большинства горожан во многом это история приращения и обновления облика все того же Никольского храма. Расположение и размер нового каменного храма (на возвышенности, в новом районе) фиксируют новый статус религиозной жизни по сравнению с прежним (деревянный перестроенный жилой дом, в заводском поселке).

Старый храм, историю которого мы можем реконструировать по письменному и устным источникам, выполняет функцию символического религиозного центра Медногорска, он дает убежище и сам

являет результат молитвенных усилий. Его «силовые линии» простираются до Орска (100 км), где существует его ровесник — Покровский храм «под горой». Контраст между кодифицированной письменной и воодушевленной устной историей «старого» храма в изложении В. М. Поповой во многом объясняется своеобразием книги, отражающей историю храма. Автор обладает религиозным сознанием, что, с одной стороны, обусловило строгую вычитку текста, с другой — коррелирует с элементами «наивного» дискурса. Музеефикация всего пространства и наполнения старого храма (деревянное здание, спасенные старые иконы, половички, благотворительный склад одежды и др.) представляет религиозное как проживаемое и контрастирует с представительскими функциями нового храма и его причта. Однако история старого храма и, главное, наличие книги о нем позволяют конвертировать его символический капитал в понятные и современные формы презентации.

Если история «старого» храма погружена в вернакулярные практики сосуществования с советским, то «новый» храм становится наследником и религиозной, и светской составляющей городской среды. Несмотря на упадок промышленного производства, который в той или иной мере переживают почти все индустриальные советские города, Медногорск довольно успешно противостоит негативным тенденциям в трансформации образа города в глазах самих жителей. Городские организации (библиотеки, архив, боевые братства) и активисты активно работают с тем историко-культурным ландшафтом, который удалось нарастить в городе при медно-серном комбинате за 90 лет. И церковь активно включена в этот процесс, чувствуя себя вполне ответственной за поддержание того статуса Медногорска внутри церковной иерархии, который этому малому городу обеспечили ситуация открытия церкви в 1943 году, наличие книги — истории прихода «от прихожан», и вклад нынешнего собственника комбината в строительство нового храма.

Разнообразные типы дискурсов (фольклорный, религиозный, советский, постсоветский и др.) сосуществуют сегодня, и работа с меморативным и религиозным ландшафтами малого города дает возможность понять, как складываются новые образные системы и распределяются роли основных акторов.

Литература

- Альтов, В. Г. (1974). *Медногорск*. Челябинск: Южно-уральское книжное изд-во.
- Альтов, В. Г. (1998). Это было на Бляве. В Г. В. Ермаков (Сост.) *Книга памяти жертв политических репрессий*, 391–404. Калуга: Золотая аллея.
- Веселкова, Н. В., Прямикова, Е. В. (2022). Меморативный ландшафт малого города: конфигурации и слои. *Этнографическое обозрение*, 2022(6), 196–212. DOI: 10.31857/S0869541522060112
- Главацкая, Е. М. (2008). Религиозный ландшафт Урала: феномен, проблемы реконструкции, методы исследования. *Уральский исторический вестник*, 2008(4/21), 76–82.

- Гладких, С. А. (2017). О методологических основах современного любительского краеведения (на примере движения краеведов «Северное трёхречье»). *Известия Общества изучения Коми края*, 2017(1), 16–26.
- Дашковский, П. К. (Отв. ред.). (2014). *Религиозный ландшафт Западной Сибири и сопредельных регионов Центральной Азии. Т. 1: Поздняя древность – начало XX в.* Барнаул: Изд-во Алт. ун-та.
- Дескола, Ф. (2012). *По ту сторону природы и культуры.* М.: НЛО.
- Дутчак, Е. Е. (2007). Из «Вавилона» в «Беловодье»: адаптационные возможности таежных общин староверов-странников (вторая половина XIX – начало XXI в.). Томск: Изд-во Том. ун-та.
- Дынина, А. Д. (2022). Хранитель локальной истории. *Живая старина*, 2022(2), 16–19.
- Ефимова, О. А., Никитина, Н. Н., Юсупова, М. Б. (2014). *Город среди медных гор. (Медногорску 75 лет).* Оренбург: Печатный дом «Димур».
- Королева, С. Ю. (2014). Наивный дискурс в краеведческих работах К. П. Гусевой. *Филология в XXI веке: методы, проблемы, идеи: Материалы II Всероссийской науч. конф.*, 235–242. Пермь: Изд-во ПГНИУ.
- Косик, О. В. (2009). Рец. на кн.: Гоглов А., свящ. Владимирское лихолетье: Православная церковь на Владимирщине в годы безбожной смуты. М.: приход храма святого духа Сошествия, 2008. 432 с. *Вестник ПСТГУ (Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета). Серия 2. История. История Русской Православной Церкви*, 2, 162–164.
- Кырлежев, А. И. (2004). Постсекулярная эпоха. *Континент*, 2004(120), 252–264.
- Кырлежев, А. И. (2011). Постсекулярное: краткая интерпретация. *Логос*, 2011(3/82), 100–106.
- Лютаева, М. С. (2023). «Живая религия» и «вернакулярная религия»: проблема концептуализации терминов. *Вестник Северного (Арктического) университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки*, 23(3), 119–127.
- Манькова, И. Л., Нечаева, И. Ю. (2020). Концепт «религиозный ландшафт» — «двуликий Янус» в современных исторических исследованиях. *Уральский исторический вестник*, 2020(2/67), 89–98. DOI: 10.30759/1728-9718-2020-2(67)-89-98
- Неклюдов, С. Ю. (2001). От составителя. В С. Ю. Неклюдов (Сост.). «Наивная литература»: исследования и тексты, 4–14. М.: Московский общественный научный фонд.
- Никандрова, А. В. (2022). История Никольского храма в Медногорске: устный рассказ и книга. В Н. С. Петрова, Н. В. Петров (Сост.). *Материалы XXII Международной школы по фольклористике и культурной антропологии*, 58–59. М.
- Никандрова, А. В., Граматчикова, Н. Б. (2023a). Религиозное сознание в текстах наивного краеведения. В Д. А. Погоньшев (Отв. ред.). *XXV Всероссийская студенческая научно-практическая конференция Нижневартковского государственного университета*, 196–201. Нижневартовск: НВГУ.
- Никандрова, А. В., Граматчикова, Н. Б. (2023b). Книга «Под омофором святителя Николая» В. М. Поповой и ее рассказ об истории храма: сопоставительный анализ. *Церковь. Богословие. История*, 2023(4), 252–258.
- Петров, И. В. (2021). История храма как история России: от созидания к революции и обратно. *Христианское чтение*, 2021(3), 438–447.
- Попова, В. М., Швецова, В. А. (2013). *Под омофором святителя Николая. Страницы истории прихода святителя и чудотворца Николая поселка Заречный города Магнитогорска.* Саракташ: «Православный Духовный Вестник».
- Русинова, И. И. (2006). Наивный дискурс (на материале личного дневника диалектоносителя). *Вестник Пермского университета. Филология*, 3(3), 86–97.
- Янина, Л. (2010). *Экспрессия медной истории: Очерки о людях города Медногорска и медносерного комбината.* Кувандык.
- Янина, Л. (2011). *О том, как ТОЗ в Уралэлектрo перерос: Исторические факты, очерки, зарисовки о людях Медногорского машиностроительного завода.* Кувандык.
- Primiano, L. N. (1995). Vernacular religion and the search for method in religious folklore. *Western Folklore*, 54(1), 37–56. DOI: 10.2307/1499910
- Stegbauer, C. (2002). *Reziprozität. Einführung in soziale Formen der Gegenseitigkeit.* Wiesbaden: Westdeutscher Verlag.

References

- Altov, V. (1974). *Mednogorsk*. Chelyabinsk: Juzhno-ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo. (In Russian).
- Altov, V. (1998). It was on the Bliava. In G. Ermakov (Comp.). *The book of memory of victims of political repression*, 391–404. Kaluga: Zolotaya alleya. (In Russian).
- Dashkovsky, P. (Ed.). (2014). *The religious landscape of Western Siberia and adjacent regions of Central Asia. Vol. 1: Late antiquity – the beginning of the twentieth century: a collective monograph*. Barnaul: Izdatel'stvo Altajskogo universiteta. (In Russian).
- Descola, F. (2012). *Beyond nature and culture* [Translated from the French Descola, Ph. (2005). *Par-delà nature et culture*. Paris: Editions Gallimard]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).
- Dutchak, E. (2007). From “Babylon” to “Belovodye”: adaptive capabilities of taiga communities of Old Believers-wanderers (the second half of the XIX – beginning of the XXI century). Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta. (In Russian).
- Dynina, A. (2022). Keeper of local history. *Living antiquity*, 2022(2), 16–19. (In Russian).
- Efimova, O., Nikitina, N., Yusupova, M. (2014). *A city among the copper mountains. (Mednogorsk is 75 years old)*. Orenburg: Printing house “Dimur”. (In Russian).
- Gladkikh, S. (2017). On the methodological foundations of modern amateur local history (on the example of the movement of local historians “Northern Three Rivers”). *Proceedings of the Komi Krai Study Society*, 2017(1), 16–26. (In Russian).
- Glavatskaya, E. (2008). The religious landscape of the Urals: phenomenon, reconstruction problems, research methods. *Ural Historical Bulletin*, 2008(4/21), 76–82. (In Russian).
- Koroleva, S. (2014). Naïve discourse in the local history works of K. P. Guseva. *Philology in the XXI century: methods, problems, ideas: Materials of the II All-Russian Scientific Conference*. Perm: Izdatel'stvo Permskogo gosudarstvennogo nauchno-issledovatel'skogo universiteta, 235–242. (In Russian).
- Kosik, O. (2009). Review: Goglov A., sacred. Vladimir's hard times: The Orthodox Church in the Vladimir region during the years of godless turmoil. Moscow: Church of the Holy Spirit of Descent, 2008. 432 p. *Bulletin of the PSTSU (Permskij gosudarstvennyj nacional'nyj issledovatel'skij universitet / Orthodox St. Tikhon's University for the Humanities)*. History. History of the Russian Orthodox Church, 2, 162–164. (In Russian).
- Kyrlezhev, A. (2004). The post-secular era. *Continent*, 2004(120), 252–264. (In Russian).
- Kyrlezhev, A. (2011). Postsecular: a brief interpretation. *Logos*, 2011(3/82), 100–106. (In Russian).
- Lyutaeva, M. (2023). “Living religion” and “vernacular religion”: the problem of co-conceptualization of terms. *Bulletin of the Northern (Arctic) University. Series: Humanities and Social Sciences*, 23(3), 119–127. (In Russian).
- Mankova, I., Nechaeva, I. (2020). The concept of “religious landscape” is “two-faced Janus” in modern historical research. *Ural Historical Bulletin*, 2020(2/67), 89–98. (In Russian). DOI: 10.30759/1728-9718-2020-2(67)-89-98
- Neklyudov, S. (2001). From the compiler. In S. Neklyudov (Comp.). *“Naïve literature”: Studies and texts*, 4–14. Moscow: Moskovskij obshhestvennyj nauchnyj fond. (In Russian).
- Nikandrova, A. (2022). The history of St. Nicholas Church in Mednogorsk: an oral story and a book. In N. Petrova, N. Petrov (Comp.). *Materials of the XXII International School of Folklore and Cultural Anthropology*, 58–59. Moscow. (In Russian).
- Nikandrova, A., Gramatchikova, N. (2023). Religious consciousness in the texts of naïve local lore. In D. Pogonyshv (Ed.). *XXV All-Russian Student Scientific and Practical Conference of Nizhnevartovsk State University*, 196–201. Nizhnevartovsk: Izdatel'stvo Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo universiteta. (In Russian).
- Nikandrova, A., Gramatchikova, N. (2023). The book “Under the Omophorion of St. Nicholas” by V. M. Popova and her story about the history of the temple: a comparative analysis. *Church. Theology. History*, 2023(4), 252–258. (In Russian).
- Petrov, I. (2021). The history of the temple as the history of Russia: from creation to revolution and back. *Christian reading*, 2021(3), 438–447. (In Russian).
- Popova, V., Shvetsova, V. (2013). *Under the omophorion of St. Nicholas. Pages of the history of the parish of St. Nicholas the Wonderworker of the village of Zarechny, Magnitogorsk*. Saraktash: “Orthodox Spiritual Messenger”. (In Russian).

- Primiano, L. N. (1995). Vernacular religion and the search for method in religious folklife. *Western Folklore*, 54(1), 37–56. DOI: 10.2307/1499910
- Rusinova, I. (2006). Naive discourse (based on the material of a dialect speaker's personal diary). *Bulletin of Perm University. Philology*, 3(3), 86–97. (In Russian).
- Stegbauer, C. (2002). *Reziprozität. Einführung in soziale Formen der Gegenseitigkeit*. Wiesbaden: Westdeutscher Verlag.
- Veselkova, N., Pryamikova, E. (2022). The memorative landscape of a small city: configurations and layers. *Ethnographic Review*, 2022(6), 196–212. (In Russian). DOI: 10.31857/S0869541522060112
- Yanina, L. (2010). *The expression of copper history: Essays about the people of the city of Mednogorsk and the copper-sulfur combine*. Kuvandyk. (In Russian).
- Yanina, L. (2011). *About how TOZ outgrew Uralelectro: Historical facts, essays, sketches about the people of the Mednogorsk Machine-building Plant*. Kuvandyk. (In Russian).